

«Бег по краю» — роман об одиночестве, невосполнимых потерях, но и о любви, внешне спокойной и полноводной, на глубине которой бурлят подводные ключи.

«Литературная газета»

Серия
«Лучшие романы о любви»

Галина Таланова **«Бег по краю»**
Наталья Будянская **«Любовь с характером»**

Скоро!

Галина Таланова
«По волнам, по океанам»

Наталья Будянская
«Мой нелучший друг»

Галина Таланова

Бег по краю

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т16

Разработка серии и компьютерный дизайн обложки
Екатерины Фerez

Таланова, Галина.

Т16 Бег по краю : [роман] / Галина Таланова. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 416 с. — (Лучшие романы о любви).

ISBN 978-5-17-096551-9

Ее не учили любить... ни в школе, ни дома не рассказали, что такое настоящая любовь.

Проходит детство, начинается взрослая жизнь. В ней есть все: семья, муж, дети. И есть любовь... всепоглощающая... Как ураган набрасывается она на близких: крепко держит их рядом, под надзором, на расстоянии вытянутой руки. А хочется еще ближе. Притянуть, обнять, задушить в объятиях, только бы не уходили, не устраивали личную жизнь, не отдалялись!

Нас не учили любить... Мы не знаем, что любовь — это сила, порой разрушительная и эгоистичная. Она как тяжелое бремя ложится на плечи самых близких людей.

Может, пора учиться любить?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-096551-9

© Таланова Г., 2017
© ООО «Издательство АСТ»

*Хоть корка льда с реки сошла,
Гребу с трудом — на середине.
На воздух весла подняла —
И обомлела: весла в тине!..***

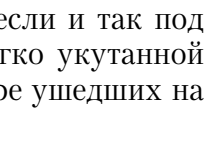
Качаясь на волнах...

1

Вот и все. Лотерейная шапка пуста. Все билетки разыграны. Дальше одинокая и немощная старость. Медленное переползание изо дня в день, что похожи друг на друга, словно подсолнечные семечки, которые она пристрастилась лузгать по вечерам, сидя на своей обшарпанной кухне. Целый ворох ошурков, напоминающих один другой, которые слетали невзначай со стола, зацепившись за протертый рукав байкового халата, и застревали в щелях рассохшегося пола, поблескивая оттуда обнажившимися белесыми зубами, нещадно изъеденными кариесом. Жизнь без целей. Последнюю цель жизни она достойно выполнила: три новеньких памятника из черного мрамора, соединенных

* Здесь и далее стихи автора.

Полукруглой карминовой аркой, напоминающей заходящее за горизонт солнце, что уютно расположилось на фоне трех мачт-крестов от затонувших кораблей. Все близкие уплыли. Только ей еще предстоит долгое плавание по серому безлюдному морю на плохо управляемом корабле. Руки почти не слушаются капитана. Их все тяжелее поднимать и держать ими штурвал. Крутить штурвал еще тяжелее. Старое колесо заржавело и давно не смазано. Скрежет страшный — и не поймешь: то ли это в штурвале скрипит, то ли льды скрежещут об обшивку корабля, как у Амундсена. Но тот-то хоть покорял Северный полюс... А ей-то что покорять? И так ясно, что впереди вечная мерзлота... Она уже приближается. Кисти рук давно ледяные, как у снежной бабы. Два неловко слепленных кулачка... Закоченевшие пальцы вцепились в метлу — их не разжать... Метлу выпускать нельзя. Она поддерживает в порядке тротуары, чтобы дорожка всегда не запорошенная была, чтобы остановившиеся прохожие в сугробы не вращались. Только вот пальцы не гнутся почему-то... Участковый врач принес мячик наподобие теннисного. Сказал, что им хорошо разрабатывать негнувшиеся пальцы, ставшие похожими на какие-то узловатые корнеплоды, выдернутые из грядки. И сердце тоже давно ледяное. Как будто под анестезией. Сделали укол — и чувствовать перестала. Только вот слегка перекосило, но это ничего. Это птица с одним перебитым крылом не взлетает, теряя равновесие... А ей-то куда теперь лететь? В теплые края поздно: перелета не осилить, а гибнуть

она уже не хочет. Зачем гибнуть, если и так под наркозом? Пингвин на льдине, мягко укутанной белыми сугробами, как ватой, в море ушедших на дно парусников.

Впрочем, ей еще уготовано, наверное, пережить своего кота. Кота кличут Карабас. Так назвала его Василиса, ее дочь, за то, что кот не был ученым. Он не только не рассказывал сказок, но долго и упорно отыскивал каждый раз себе новый горшок в чьей-нибудь брошенной тапке. Кот был грязно-рыжим, словно крашеное пасхальное яйцо. Сейчас кот раскачивался на занавеске, грозя обрушиться на свою голову гардину. Лидия Андреевна вдруг подумала, что она в чем-то даже похожа на этого кота... Она тоже любила раскачивать ситуацию до тех пор, пока что-то не случилось: или гардина с грохотом опрокинутого дома падала, или с пронзительным шуршанием срываемого маскарадного костюма разрывалась ажурная занавеска, или рушилась сама стена шалаша, утянув за собой наглухо привинченную к ней портьеру.

Она прожила счастливую, но трудную молодость. Впрочем, и в сорок пять — она считала себя рябиной, прихваченной легким морозцем, тем, от которого исчезает порядком надоевшая осенняя грязь, а ягоды перестают горчить и оставлять на языке терпкий вяжущий вкус, сковывая готовые сорваться с губ слова, и становятся, наконец, сладкими.

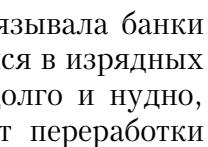
Думала ли она когда-то в своем по-своему счастливом детстве, что родившись в деревянном домишке с туалетом на улице, ходя по расквашенному нудными осенними дождями или пьяному

Весенним половодьем бездорожью в сельскую школу, находившуюся за четыре километра от дома, о том, что будет когда-нибудь жить в крупном городе в доме на главной набережной с видом на Волгу, в четырехкомнатной «сталинке» с потолками высотой в три метра; будет иметь мужа, которого бы хотели заполучить все ее подруги, и двоих прекрасных детей, да кавказскую овчарку и кота в придачу, и к тому же станет важной персональной на работе, зарабатывающей ничуть не меньше своего благоверного?

Нет, не думала. Почему Бог, даруя одной рукой, отбирает другой? Чтобы она поняла, что была счастлива? Что имеем не храним, потерявши плачем... Но она-то хранила. Никто не мог упрекнуть ее в том, что она плохая жена, мать, сноха, руководитель... Никто... Тогда почему?

2

Шел 1992 год. В ее отутюженной жизни все внезапно поменялось. Началось с того, что она, получив зарплату, зашла после работы, как обычно, в гастроном и обнаружила, что ее зарплаты не хватит на килограмм сыра или сливочного масла. Сначала она решила, что плохо разглядела ценники и достала из сумки свои новенькие очки со стеклами на диоптрию больше старых. Она ходила от прилавка к прилавку, чувствуя себя Алисой в Стране чудес. Она даже ущипнула себя легонько за кожицу на внешней стороне кисти, что начинала напоминать мятую пергаментную

бумагу, которой она ежегодно завязывала банки с яблочным мармеладом, варившимся в изрядных количествах, что было довольно долго и нудно, но это был единственный продукт переработки ее сада, засаженного двадцатью пятью яблонями, продукт, который ее дети ели с охотой... Потом подумала, что продавцы что-то напутали с ценниками... Радуюсь чужой шутке, она со смехом спросила продавщицу, кто у них пребывает в «белой горячке» после новогоднего празднования, и получила ответ, что это не у них...

В соседних магазинах было то же самое...

Так началось время, с которого она теперь ведет отсчет. Сначала они жили даже вполне сносно по сравнению со многими ее знакомыми. Ни дети, ни муж в ее доме никогда раньше не ели каш. Поэтому у нее в буфете скопилось изрядное количество всяких круп, которые теперь постепенно извлекались из небытия. В некоторых, правда, завелись маленькие черные жучки, и крупы приходилось прожаривать в духовке, а потом извлекать маленьких лаковых насекомых, похожих на бусины. Но ведь гречку она и раньше «выбирала». Сливочное масло она теперь не покупала, а брала маргарин. Одну пачку в месяц. На всю семью. Раз в месяц ей удавалось приобрести даже курицу, из которой получалось сварганить и первое, и второе. На первое шел бульон, который она чем-нибудь заправляла, чаще всего капустой, а мясо вылавливала — и готовила второе. Конфет больше не покупали. Только ириски «Золотой ключик», 100 грамм на праздник. Но зато было доедено все варенье, лет пять хранившееся в гараже. Теперь

Она очень часто пекла блины из толокна. Толокно она нашла у себя на даче, целых 8 килограммов, и даже не помнит, откуда оно взялось, должно быть, еще мама зачем-то покупала в своем сельпо. Она просеивала его через сито, а потом уже пекла блинчики. Долгий процесс, конечно, но что делать? Надо было чем-то кормить семью. Блины немного горчили, но они их ели с плавлеными сырками «Орбита», которые имели жирность 15% и раньше стоили шестнадцать копеек, но их все равно мало кто покупал... А теперь было очень даже вкусно. Блины подогревались до хрустящей корочки, в них завертывался кусочек сырка... У всех за ушами только трещало...

Зарплату на лакокрасочном заводе, где она работала начальником цеха, выдавали теперь с опозданием месяца на два-три, то же самое было и у мужа. Но она, к счастью, выработала «вредность» и теперь получала еще и пенсию. Зарплата дочери была ниже, чем ее пенсия. Василиса работала младшим научным сотрудником в НИИ. Ей могли не выдавать зарплату и четыре месяца. Говорили, что бухгалтерия НИИ «прокручивала» деньги, закупая копченую колбасу... Дочь сама видела палки этой колбасы, наваленные штабелями на столах в бухгалтерии аккуратно за неделю до выдачи зарплат. И так несколько раз. Непонятно только, кто эту колбасу покупал? Во всяком случае, не сотрудники ее института.

Соседка ей как-то сказала: «Вы хорошо живете, если еще курицу покупаете...» Большим подспорьем был теперь огород, в котором она стала растить все вплоть до картошки. Она, имеющая

деревенские корни, уже подумывала, не завести ли им кур? Но проблема была в том, что на работе отпуск давали летом лишь ей, а мужу, который дорос до начальника цеха бывшего крупного оборонного завода, ваявшего теперь сковородки и чайники, нет. К тому же муж по-прежнему возглавлял лабораторию, находившуюся в научном подразделении их комплекса, изрядно поредевшего, так как госзаказы и хоздоговора кончились, а собственных денег на содержание интеллектуального балласта руководство завода не находило. А как же цыплят вырастить за месяц? Дети же смотреть за курами напрочь отказывались. Но у нее были хорошие дети... Не как у некоторых: пьют, колотятся, не хотят ни учиться, ни работать...

3

«Василиса, дочка! Слышишь ли ты меня? Теперь вся семья снова почти в сборе... Только меня не хватает под новым солнцем. Но ничего, бог даст скоро встретимся... Я сменила тебе памятник. Теперь это не тот облезлый ржавеющий крест, напоминающий кусок сгнившей от возраста водопроводной трубы, что приходилось нам с Гришей красить серебрянкой».

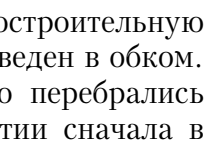
Крест был заказан красивый, витиеватый, но он как-то за год успевал весь облупиться и превратиться в кусок железаки. Красить его было тяжело. И хотя Гриша покупал каждый год новую кисточку — и кисть никогда не была в ссохшейся краске, но прокрасить все поверхности все равно

не получалось: щетина никак не хотела влезать в изящные завитки креста — и они оставались не покрашенными, отчего на следующий год упорно ржавели от дождя и снега, заставляя серебрянку отколупываться все дальше большими рваными лохмотьями, похожими на истлевшее тряпье.

«Да, мама, спасибо! Ты простила меня?»

Бог дал, Бог взял... На все воля Божья... Не так ли учила ее бабка? Сейчас бы у нее был внук, и, может быть, вся семья была бы в сборе за круглым столом на большой кухне, величине которой завидовали все ее подруги... Ей вообще много завидовали... Ни лица, ни фигуры, «деревня», а такого мужа оторвала... Знали бы, как это ей все давалось...

Муж был сынком родителей, сумевших завоевать свое место под солнцем в городе. Свекровь заведовала кафедрой аналитической химии в университете, а свекор был начальником отдела в обкоме партии. Свекор был, как сейчас бы сказали, «демократ», сам родом из деревни, сын истопника в сельской школе, и всего достиг сам, было с кого брать пример... Это после она узнала из его рассказов, как они сдавали экзамены: кто-нибудь один отвечал, а всей группе ставили оценку. Они учились вместе со свекровью, но он как-то сразу еще в студенческие годы был принят в партию как сын восходящего класса и быстро пошел по возрастательной... Еще до войны... Передовая не очень-то коснулась его, он работал начальником цеха на крупном танковом заводе, но приходилось выезжать и на фронт для испытаний выпущенных бронемашин... У него даже орден был. А после войны

он стал поднимать сначала станкостроительную промышленность, а затем был переведен в обком. Они с женой после войны быстро перебрались из маленькой комнатки в общежитии сначала в двухкомнатную квартиру, а в конце пятидесятых в четырехкомнатную квартиру, в которой Лидия Андреевна живет и по сей день.

Свекор был могучий мужик и в те же годы сумел выстроить роскошную по тем временам дачу. Правда, ставил он ее сам. Купил по дешевке в деревне сруб, сплавил его, как бурлак, по Волге, нанял тройку рабочих из местной деревни, и сам с ними дневал и ночевал весь свой отпуск и выходные. Как деревенскому мужику ему знакома была эта работа: таскал на своем горбу бревна, песок, тюки с паклей... Сначала поставил деревянную избушку с пристроенной к ней верандой, затем выстроил и второй этаж типа мансарды, потом добавил и третий, наподобие часовенки в старинном замке. Соорудил настоящую парную, туалет со сливом, маленькую рыбокопильню в сарайчике, теннисную площадку и даже бассейн, где с визгом барахтались потом внуки. С началом дачного строительства был приобретен маленький неказистый небесный «Москвич», сменный через несколько лет на «Победу» цвета какао, что, в свою очередь, была заменена черной, как вороное крыло, 21-й «Волгой» с серебристым красавцем оленем на капоте, которую впоследствии уже поменяли на 24-ю. Была куплена деревянная лодчонка, с которой он запойно удил мормышкой рыбу. Затем он смастерил, опять же своими руками, в выходные и отпуска, по чертежам из журнала, огромный ка-

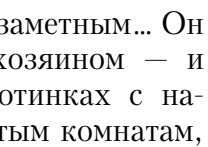
Утер с мотором от старенького «Москвича»: на нем избороздили уже всю Волгу, вылавливая полчища чехони, которую коптили и сушили на растянутых под специальным навесом веревках. Иногда попадались и крупные щуки, окуни, лещи и даже, как она слышала, стерлядь. На даче у ее новых родственников всегда было полно гостей, которых они обязательно возили на рыбалку и купаться на Волгу, для чего был приобретен впоследствии еще дюралевый катер. Варили уху, делали шашлыки, жарили грибы...

Как знать... Не дача эта... Может быть, и ее бы жизнь сложилась иначе.

4

В то далекое лето подруга Лидии Андреевны, тогда просто Лидки, позвала ее на дачу к однокурснику своего любимого. Отправились шумной студенческой компанией, втиснувшись в субботнюю электричку с рюкзаками и сумками, пухлыми от жратвы и дешевой выпивки, с гитарами и спиннингами наперевес.

Однокурсник оказался из тех домашних интеллигентных мальчиков, к которым деревенская Лидка относилась с усмешкой: щупленький заморыш в роговых очках с синюшной кожей, как у курицы, долго хранящейся в морозилке. Казалось, что ему не очень-то было уютно в их шумной пьяной компании, он все время вбирал голову в опущенные плечи и жался к стене, будто хотел слиться, как тень, с нетесаными досками на

веранде, стать таким же серым и незаметным... Он совсем не чувствовал себя здесь хозяином — и ребята спокойно разгуливали в ботинках с налипшей на них глиной по всем пустым комнатам, рылись в глубоких ящиках столов, доисторических шкафах и буфетах, кладовках и сарайчике с многочисленными удочками и мормышками... Но он ловко затопил печь, сложенную совсем не так, как она привыкла видеть у себя в селе, а как-то чудно, наподобие камина, который она видела в кино: можно было смотреть, как пламя весело облизывает и пожирает натасканные из-под веранды отсыревшие поленья, сперва густо чадящие удушливым дымом. Свет не включали: приближались самые длинные летние дни... Сидели в полумраке и смотрели на эти огненные языки, заходящиеся в странном языческом танце, отбрасывающем на стену диковинные тени, напоминающие пляску жизни и смерти... Она тогда даже подумала: «А почему пляску смерти, когда жизнь только начинается?» Ведь все у нее впереди, все лучшее — впереди! А позади осталась старенькая, покосившаяся, поросшая сизым мохом изба с холодным туалетом во дворе; коричневое школьное платье, с аккуратными заплатками на локтях, с белыми воротничком и манжетами, на которые она надевала черные сатиновые нарукавники, чтобы сохранить эту белизну манжет до конца недели, как велела им их классная руководительница; устойчивый запах перегара по ночам; мат, от которого она натягивала на голову подушку, чтобы суметь до петушиных криков чуток поспать; тугое козье